

Уважаемые читатели!

Представляем Вашему вниманию второй выпуск информационно-аналитического бюллетеня, освещающий актуальные вопросы в области прав человека в странах Центральной Азии. Пользуясь возможностью, мы хотели бы поблагодарить всех, кто найдет данный выпуск полезным и интересным.

Бюллетень издается в рамках проекта «Защита прав человека и правозащитное образование в странах Центральной Азии», который реализуется британским Институтом по освещению войны и мира (IWPR) при поддержке Европейской Комиссии. Одной из основных целей проекта является повышение уровня информированности общественности о текущих проблемах в области защиты прав человека в центрально-азиатских странах. На сегодняшний день проект обеспечивает диалоговую платформу для решения вопросов доступа детей к образованию в Кыргызстане, проблем растущего числа случаев суицида в Таджикистане, вопросов свободы слова в Казахстане. Другим направлением деятельности проекта является обучение представителей неправительственных организаций вопросам, посвященным связям с общественностью, взаимодействию со средствами массовой информации и проведению тренингов для журналистов в области международных стандартов прав человека и национального законодательства в этой сфере.

Сегодня IWPR успешно реализует свою деятельность в Европе, Афганистане, Иране, Ираке, Сирии, Филиппинах, Уганде, Северной Африке, Зимбабве, на Кавказе и в странах Центральной Азии. В Центрально-азиатском регионе IWPR успешно осуществляет свою деятельность с 1999 года, и за это время Институту удалось наладить конструктивное сотрудничество с государственным, неправительственным сектором (НПО) и медиа-структурами. IWPR одним из первых начал сотрудничать с местными журналистами, помогая им развивать связи с зарубежными коллегами.

Со временем это партнерство приобрело форму тесных взаимоотношений. Такой подход обеспечил расширение новых контактов, постоянный обмен идеями, знаниями и навыками. Его результатом, несмотря на языковые барьеры и различия во взглядах, стало множество совместных публикаций на веб-сайте www.iwpr.net. Благодаря этой работе, IWPR сделал значительный вклад в освещение вопросов, связанных с правами человека, демократией и других конфликтных тем.

В каждом номере мы постараемся ознакомить Вас с деятельностью проекта, с отдельными случаями нарушения прав человека в Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане, а также объективно рассказать о реалиях стран нашего региона.

НОВОСТИ ПРОЕКТА

03

05

**ИНДЕКС СВОБОДЫ СЛОВА
СОСТАВЛЕННЫЙ
«РЕПОРТЕРАМИ БЕЗ ГРАНИЦ»**

06

**АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ
ИЗ КЫРГЫЗСТАНА**

КАЗАХСТАН

06

Борьба с жестокостью в школах Казахстана

*Правозащитники призывают к более
пристрастному изучению того, как с
детьми обращаются в школах.*

Данные о работоторговле искажены

*По словам экспертов, масштабы
работоторговли гораздо больше, чем
сообщается в официальных данных.*

КЫРГЫЗСТАН

12

Сексуальное насилие в семье – самое большое табу

*Толерантность по отношению к
сексуальному насилию в семье и
отсутствие информированности о своих
правах делает защиту женщин-жертв
сложным делом.*

Надежды на более строгое законодательство в отношении применения пыток

*Эксперты считают, что превентивный
механизм против пыток будет
действенным только в том случае,
если координирующий его орган будет
независим от властей.*

ТАДЖИКИСТАН

17

Борьба с ранними браками в Таджикистане

*Поправки в закон не изменят ситуацию с
ранними браками в Таджикистане, считают
активисты.*

Таджикские солдаты отстаивают свое право на получение компенсаций за минные ранения.

*Бывшие военнослужащие, пострадавшие от
мин, считают, что государство бросило их на
произвол судьбы.*

УЗБЕКИСТАН

22

Узбекистан: искоренить детский труд на хлопке возможно?

**Власти Узбекистана закручивают
гайки в отношении правозащитников**
*Активисты ищут лазейки в законе,
чтобы проводить демонстрации.*

НАШИ ПАРТНЕРЫ

26

Круглый стол «Нарушения прав молодежи в Казахстане»

8 июля 2009 г. проблемы нарушения прав молодежи в Казахстане обсуждались в Алматы, на круглом столе, проведенном совместно с Республиканским общественным объединением (РОО) «Общество молодых профессионалов».

Представители молодежных организаций Казахстана, студенческих комитетов вузов Алматы, эксперты по вопросам молодежной политики и журналисты ознакомились с результатами социологического исследования, проведенного РОО «ОМП» в рамках проекта «Повышение потенциала молодежи Казахстана, участвующей в процессе принятия решений в отношении в качестве высшего образования».

Участниками круглого стола было отмечено то, что результаты исследования показали что молодежь, в частности, студенты, представляют собой отражение ситуации в казахстанском обществе в целом. Согласно результатам исследования, несмотря на высокий уровень коррупции и ряд других недостатков системы высшего образования в Казахстане, высокий процент опрошенных демонстрирует не критичное и позитивное отношение к существующей молодежной политике в Казахстане и поддерживает действия администраций своих вузов.

При этом, Имебергенов Ерлан, политолог, отметил, что проблемы доступа к образованию и защиты прав молодежи тесно связаны друг с другом и являются комплексными. Результаты опроса подтверждают наличие проблемы в качестве высшего образования и неразвитость институтов участия студентов\молодежи в процессе принятия решений.

В завершающей части круглого стола были представлены видеозаписи, сделанные во время последних выборов, показывающие факты давления на студентов. Нарушения прав студентов во время электорального периода являются одними из наиболее острых проблем и вызвали также острую дискуссию среди участников круглого стола.

Участники круглого стола признали, что круглый стол, подобный этому во многом содействует хорошим коммуникациям между молодежными организациями, способствует диалогу между молодежью и привлечению большего внимания СМИ к проблемам и интересам молодежи и студентов.

Во все времена нарушения прав человека начиналось со школьной скамьи. Если ничего не предпринимать, то ситуация будет только усугубляться. Поэтому решение провести такое мероприятие абсолютно справедливо сегодня. Актуальность подтверждена многими инцидентами, связанными с нарушением прав молодежи.

Поэтому оцениваю полезность на все 100%. И думаю, что многие, если не все родители со мной согласятся.

Участник круглого стола

ТРЕНИНГИ

**Права человека.
Международные нормы.
Национальное законодательство.**

IWPR организовал ряд тренингов в Казахстане и Кыргызстане в рамках Проекта по правам человека в Центральной Азии, целью которого является налаживание связей между региональными СМИ и обществом правозащитников.

Мероприятия прошли в городах Джалал-Абад на юге Кыргызстана, Бишкек и Алматы в Казахстане.

Прошедший в Бишкеке тренинг был на тему усиления роли НПО для того, чтобы те в сотрудничестве с правительственными ведомствами могли привести кыргызские законы в соответствие с международным законодательством по правам человека.

В семинаре приняли участие представители НПО со всей республики, а также официальные лица из Департамента по защите прав детей при Государственном агентстве по физической культуре и спорту, делам молодежи и защите детей при правительстве Кыргызской Республики.

Тренер Юрий Гусаков, директор Карагандинского филиала Бюро по правам человека и соблюдению законности, отметил, что очень важным является факт участия в семинаре правительственных чиновников.

Проект IWPR и Европейской комиссии «Защита прав человека и правозащитное образование посредством СМИ в Центральной Азии», в рамках которого проходил тренинг, очень полезен для начинающих журналистов, поскольку мы каждый день сталкиваемся с нарушением прав человека, как в профессиональной деятельности, так и в бытовой. Визуальные материалы и игровые моменты только усилили понимание актуальности темы тренинга.

Участник тренинга.

Казахские журналисты, пишущие для IWPR, побывали на тренинге, прошедшем в Алматы, целью которого являлось повышение знаний о правах человека, необходимых журналистам для написания их статей. Участники ознакомились с основными понятиями в сфере прав человека, историей предмета и ключевыми конвенциями по защите прав человека.

IWPR ставит своей задачей проведение таких мероприятий, где организации по защите прав человека могли бы получить материалы, информацию и контакты, необходимые им для обмена опытом, который они смогут использовать в своей работе.

Помимо этого, эти организации могут получить практические навыки по проведению общественного мониторинга как части их работы в интересах общественности.

Тема прав человека должна быть актуальна всегда, не зависимо от того времени, в котором мы живем. Права человека – это интерес общества, а значит и интерес журналистов. Тренинг проходил в интерактивной форме, что способствовало лучшему восприятию материала.

Участник тренинга.

ДОСТУП ДЕТЕЙ К ОБРАЗОВАНИЮ

В рамках сотрудничества проекта «Защита прав человека и правозащитное образование посредством средств массовой информации в Центральной Азии», Общественного фонда «Лига Защитников Прав Ребенка», Департамента по защите детей при Государственном агентстве по физической культуре, молодежи, спорту и защите детей при Правительстве КР и временной комиссии по изучению реализации и соблюдению законодательства КР в области прав детей на образование Парламента КР в период с мая 2009 года по январь 2010 года проводится ряд круглых столов «Реалии школы в свете международных и национальных стандартов соблюдения прав ребенка».

Эти мероприятия проходят во всех областях республики. Задачами этих круглых столов является выявление текущих проблем в сфере доступ детей в школы, соблюдение их прав в общеобразовательных учреждениях. Сегодня эта проблема стала одной из самых актуальных, обсуждаемых в обществе. Кыргызстан является страной, которая ратифицировала Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, признающий право каждого человека на образование. При этом государство в лице его уполномоченных органов должно способствовать осуществлению этого права через начальное образование, которое должно быть «обязательным и бесплатным для всех» (п.а, ч.2 ст.13 МПЭСКП).

На этих круглых столах рассматриваются проблемы, возникшие в нарушении права на получение общедоступного и бесплатного образования: школьная форма, тесты при поступлении в школу, оплата за обучение, поборы, школьный рэкет, а также психологическое и физическое насилие в общеобразовательных учреждениях.

По итогам работы круглых столов организаторы совместно с участниками вырабатывают рекомендации по изменению ситуации по доступу к образованию в интересах прав ребенка, которые войдут в отчет комиссии.

В дискуссиях принимают участие парламентарии, представители государственных и неправительственных организаций, а также сами школьники.

Индекс свободы прессы, составленный "Репортерами без границ"

Страны Центральной Азии

Таджикистан

2009		113 ▼
2008		106 ▲
2007		115 ▲

Кыргызстан

2009		125 ▼
2008		112 ▼
2007		110 ▲

Казахстан

2009		142 ▼
2008		125 =
2007		125 ▲

Узбекистан

2009		160 ▲
2008		162 ▼
2007		160 ▲

Туркменистан

2009		173 ▼
2008		171 ▼
2007		167 =

В Кыргызстане по данным UNICEF 60 тысяч детей не учатся в школе. Между тем, право на среднее образование закреплено законом и Конституцией КР. Депутат ЖК КР Султаналиева Гульжамал Тиленбаевна считает, что настала пора отложить абстрактные рассуждения о том, почему это происходит и поставить вопрос конкретно: кто и как ущемляет права детей на получение образования, лишая их жизненных перспектив в будущем, и как отстоять права детей в сегодняшних реалиях.

25 июня 2009 года парламентариями была создана временная депутатская комиссия, для изучения ситуации по соблюдению законодательства в области прав детей на образование. В связи с чем было принято такое решение?

- Депутаты неоднократно получали устные и письменные обращения от родителей, членов общественных объединений, правозащитных организаций о том, что в школах существуют порочная практика поборов, дети, чьи родители не имеют возможности внести денежные средства, не допускаются к урокам. Кроме того, были сведения о том, что администрации школ создают искусственные барьеры для зачисления детей в школы, отчисляет за недостаточную успеваемость. Мы не могли проигнорировать такие тревожные сигналы. 25 июня была создана временная депутатская комиссия по изучению реализации и соблюдению законодательства КР в области прав детей на образование.

Что было выявлено в ходе изучения ситуации, можете ли вы подвести итоги работы комиссии?

- Мы проделали большую аудиторскую работу, но итоги депутатской комиссии еще не подведены. Я думаю, что в самое ближайшее время мы сможем об-

народовать результаты проделанной работы. В рамках данного аудита комиссия обратилась в министерство образования и науки КР и запросила информацию о количестве учащихся в 2008-2009 году, уточнила правомерность ряда требований: о наличии постоянной прописки родителей, обязательного тестирования при зачислении в школу, школьной формы и т.д.

Но так как избирателей и депутатов главным образом инте-

ресовал вопрос о правомерности денежных поборов и их прозрачности, то приоритетной работой комиссии стало изучение финансово-хозяйственного положения школ.

Кроме этого, мы изучаем ситуацию и в региональных школах. При финансовой поддержке проекта IWPR/ЕК в области защиты прав человека мы выезжаем в регионы. К сожалению, мы не сможем проверить все школы, на это не хватит физических сил. Но планируем в обязательном порядке провести аудит школ в Чуйской, Таласской, и Нарынской областях. Будем отдельно беседовать не только с педагогическим коллективом, но и с детьми, чтобы не было психологического давления на де-

тей. Пользуясь случаем хотела бы призвать учителей быть предельно открытыми и честными, не нужно устраивать показательные уроки и речи, мы хотим видеть реальную картину, только так мы сможем изменить ситуацию к лучшему.

Всевозможные поборы без сомнения ограничивают доступ детей к образованию, и в первую очередь это касается детей из малоимущих семей. Какие еще ограничения вы могли

бы выделить в числе наиболее главных?

- Это, конечно же, миграция. Детей мигрантов не зачисляют в школу, потому что у них нет постоянной прописки. По этой же причине учителя не выдают им школьные учебники. Раз мы затронули социальные и экономические возможности родителей, то нельзя обойти вопрос о школьной форме. Многие родители не имеют возможности ее купить.

Другой барьер, который искусственно создается администрациями школ это вступительное тестирование ребенка при зачислении в школу, а также отчисление за недостаточную успеваемость. Это характерно для так

называемых престижных школ, куда родители всеми силами пытаются зачислить своих детей. У родителей сформировался стереотип, что только в элитных школах-гимназиях дают качественное образование, хотя это не всегда так. Нам стало известно, что вступительный взнос в одну из элитных школ составляет тысячу долларов США. Это шокирующие факты!

В свое время школам дали возможность получить статус гимназии и ввести дополнительные учебные дисциплины с гуманитарным или математическим уклоном на платной основе. Но никто не предвидел, к каким последствиям это может привести.

Вы хотите сказать, что в погоне за статусом администрация школ заботится не, сколько о качестве образования, сколько о количестве денежных поступлений?

- Именно, и эта порочная тенденция должна быть пресечена. Мы понимаем, что такие порочные явления появились не на пустом месте. Сильнейший экономический спад, резкое сокращение финансирования системы образования вынудило директоров школ прибегнуть к финансовой помощи родителей. Не могу сказать, что в советское время не было поборов, они были, но тогда речь шла о копейках. Сейчас же поборы становятся весьма обременительными для семейного бюджета. Но опасность таится даже не в этом, самая большая опасность заключается в полной бесконтрольности поборов. Бесконтрольность и безнаказанность разъедает всю систему школьного образования. И как бы это жестоко это не звучало, но администрация школы, допускающая подобные правонарушения должна быть наказана. Хотя в случаях скандала у нас почему-то снимают министров образования. И это не смотря на то, что министр не назначает директоров школ, более того, он не имеет права проводить даже ротацию.

Кто имеет на это полномочия?

- Местный муниципалитет. Но найдет ли муниципалитет время и желание, для того чтобы вникнуть в школьные проблемы? Разбирается ли муниципалитет в проблемах образования? В настоящее время школы у нас находятся в подвешенном состоянии, поэтому они так хаотично развиваются. Но мы должны понимать, что школы это ячейка государства и они требуют пристального внимания к себе.

По официальной статистике 2,5 тысяч детей в нашей республике не посещают школу, по данным ЮНИСЕФ 61, 7 тысяч. Почему такая огромная разница в данных?

- Из-за слабого учета и контроля. К примеру, ребенок учится в одном из отдаленных регионов, а потом вместе с родителями переезжает в столицу, но в столице этого ребенка не зачисляют в школу, потому что нет прописки, нет вступительного взноса, кроме того обстоятельства могли вынудить его работать, помогая родителям. Но ребенок все еще продолжает числиться в своей сельской школе как учащийся. Это типичный и весьма распространенный пример, если учесть, что за время суверенитета мигрировала одна треть населения, еще полтора миллиона человек выехало за рубеж. Отсюда такая разница в цифрах. Дети внутренних и внешних мигрантов это особая категория детей. Именно они рискуют «выпасть» из системы образования, и в отношении этих детей нужен особый подход.

Что на ваш взгляд необходимо предпринять для изменения ситуации?

- Во-первых, надо признать, что проблема есть. Я обрадовалась, когда президент страны Курманбек Бакиев признал наличие проблемы. Он заявил, что есть проблема школьных поборов, школьного рэкета, ведь это значит, что мы будем искать пути решения этих проблем, а не отрицать их.

Здесь необходимо использовать метод кнута и пряника: снимать директоров школ за правонарушения и, конечно же, повышать заработную плату учителям.

Может быть, имеет смысл пересмотреть всю систему бюджетирования образования. Насколько мне известно, у нас равномерное бюджетирование школ. Но в одних школах существуют непомерные поборы, в других - нет. Если родители готовы платить за обучение своих детей, может, имеет смысл дать так называемым элитным школам статус коммерческих, обязав оставить и бюджетные места, а деньги, которые поступали в эти заведения направить в сельские школы?

И добиться финансовой прозрачности?

- Да, ведь в частных школах родители знают, сколько и за что они платят, а сами школы платят налог государству. Ситуация с финансовой прозрачностью у них обстоит лучше, чем в некоторых государственных школах.

К сожалению, мы разрушили систему образования, которая была в советское время, систему при которой образование было общедоступным не на бумаге, а в жизни.

У нас любят с высоких трибун говорить о совершеннолети суверенного Кыргызстана. Но, что было сделано за эти годы в системе образования? Тот ребенок, который родился в первые годы суверенитета, уже достиг 17 летнего возраста. Какую личность мы воспитали за этот период времени? Какие ценности привили ему? Готов ли он быть интегрированным в современное сообщество и, что сделало государство для этого? Я пока не знаю ответы на эти вопросы. Но над ними стоит задуматься, стоит провести анализ, сделать выводы и выработать новые программы для улучшения системы образования. Это необходимо для будущего Кыргызстана.

БОРЬБА С ЖЕСТОКОСТЬЮ В ШКОЛАХ

Правозащитники призывают к более пристрастному изучению того, как с детьми обращаются в школах.

Эльмира Габидуллина, г. Алматы

По словам экспертов, в государственных школах Казахстана ничего не делается для защиты детей от жестокого обращения, в том числе и со стороны учителей.

Один из десяти школьников, опрошенных в ходе недавнего исследования, подвергается преследованиям учителей.

В апреле две старшеклассницы из города Шымкента на юге страны совершили попытки суицида – они наглотались лекарств. После того, как их спасли, они рассказали, что до самоубийства их довели двое учителей.

По словам школьниц, учителя начали преследовать их после того, как у их родителей произошел конфликт с одним из педагогов.

«Учительница при всех стала оскорблять меня и мою маму, - рассказала одна из девочек IWPR. – Постоянно кричит на меня, обзывает по-всякому, даже матерится, а если встретит меня в коридоре, толкает. И так - каждый день».

«Учителя сделали из меня посмешище, унижают при всем классе: ты сирота, безотцовщина, никто тебе не поможет. Мне надоело жить в постоянном позоре, вот я и не выдер-

жала», - рассказала вторая девочка.

Обвиняемые учителя лишь сказали на это, что слова девочек – «плод их фантазии».

Союз кризисных центров Казахстана - объединение юридических лиц, миссия которого заключается в содействии развитию движения по защите прав женщин и детей, - в конце прошлого года провел исследование, показавшее, что 12% опрошенных старшеклассников подвергаются физическому насилию в школе. В 9% случаев насилие носит планомерный характер.

Согласно исследованиям Детского фонда Казахстана, около 65% случаев нарушений прав ребенка происходит в школах и вузах. В основном это физическое насилие, оскорбление личности и поборы на нужды школы.

В одних случаях травля идет со стороны одноклассников или старших учеников, в других – со стороны учителей. Число последних случаев растет, говорят педагоги.

Президент Ассоциации школьных общественных организаций Нина Косова приводит в пример случай, когда один третьеклассник перестал посещать школу. «Только спустя какое-то время признался, что его классная руководительница била детей, и он просто боялся об этом сказать», - рассказала она.

«Насилие со стороны учителя становится реальностью детства большинства казахстанцев, - говорит директор одной из частных школ Алматы, пожелавшая скрыть свое имя. – Насилия стало больше, так как уровень государственных учебных заведений в целом значительно снизился в последние годы».

Она пояснила, что в государственном секторе ситуация с низкими зарплатами и непристижностью профессии усугубляются «равнодушным попустительством» общества.

В государственные школы все чаще набирают случайных людей, считает она, и добавляет, что «стукнуть ребенка легче, чем объяснить ему, почему нужно слушать нечто ему неинтересное, а уж тем более сделать так, чтобы ему стало интересно».

Казахстан ратифицировал Конвенцию о правах ребенка в 1994 году. Тем самым власти взяли на себя обязательства принимать меры для защиты детей от всех форм дискриминации, физического и психологического давления, отсутствия заботы и небрежного или грубого обращения, эксплуатации со стороны родителей, законных опекунов или других заботящихся о несовершеннолетних лиц.

Государственный закон о правах ребенка диктует подобные нормы, однако, по мнению экспертов, законодательство должно быть более подробным. Зулфия Байсакова, председатель правления Союза кризисных центров, говорит, что в законодательной базе, например, нет даже термина «жестокое обращение».

Роза Акылбекова, координатор рабочей группы НПО Казахстана по защите прав детей, говорит, что остается неясным, как квалифицировать действия педагога, оказывающего физическое или психологическое давление на ученика.

Наталья Королева, главный специалист Департамента по защите детей Карагандинской области, отмечает, что в законодательстве страны нет конкретного разъяснения и другого понятия – «ненадлежащее воспитание».

В то же время правительство предприняло меры для обеспечения соблюдения прав ребенка, в особенности для защиты детей от неприятного опыта. В рамках специальной программы, нацеленной на улучшение жизни детей, которая была начата в 2007 году и продлится до 2011 года, в штаты школ для социального и психолого-педагогического сопровождения были введены около семи тысяч психологов, более полутора тысяч полицейских инспекторов и свыше семи тысяч заместителей директоров школ по воспитательной работе.

В качестве инспекторов задействованы полицейские из Мини-

стерства внутренних дел страны, которые не имеют отношения к образовательной системе. Их задача – сделать школы безопасными, свободными от правонарушений учреждениями.

Майя Беласарова, старший инспектор отдела по делам несовершеннолетних управления общественного порядка департамента внутренних дел Алматы, говорит, что для реализации этой программы инспекторов недостаточно.

«Возможности инспекторов ограничены, так как их не так много, и они вынуждены курировать сразу несколько школ одновременно», - сказала она.

Инспектор Айман Бекхожина говорит, что родители часто боятся общаться с ней и поднимать волнующие их вопросы из-за общего страха перед правоохранительными органами.

С ней согласна Беласарова. «Родители обращаются в правоохранительные органы лишь в самых крайних случаях», - говорит она.

Некоторые родители жалуются, что из их опыта вмешательство инспекторов и психологов не решает проблему. Юлия, мать 10-лет-

него школьника из Алматы, осталась недовольна, обратившись в школьную администрацию с жалобой на учителя, оказывавшего давление на ее сына. Руководство школы заявило ей, что у классной руководительницы большой опыт, и обещало провести с ней разъяснительную беседу. Этого недостаточно для Юлии. «Я хочу, чтобы учительницу, которая распускает руки в отношении детей, отстранили от преподавания, по крайней мере, в младших классах», - говорит она.

По ее словам, другие родители, чтобы не ссориться со школьной администрацией, предпочли либо не обращать внимания на эту проблему, либо перевести детей в другую школу.

По мнению Розы Акылбековой, это - типичная реакция руководства школы.

«В результате неясностей и пробелов в законодательстве сохраняется практика безнаказанности учителей, за которых вступает администрация школы и государство в лице районных и прочих отделов образования», - сказала она.

В этом году в школах Казахстана введена новая система, направленная на выявление правонарушений. Ученики могут опустить в специальный ящик конфиденциальное послание с описанием случаев жестокости или давления со стороны учителей, других учеников или членов семьи.

ДАННЫЕ О РАБОТОРГОВЛЕ ИСКАЖЕНЫ

По словам экспертов, масштабы работорговли гораздо больше, чем сообщается в официальных данных.

Данияр Бахтагалиев, г. Алматы

Хотя
М и -
н и с т е р -
с т в о в н у т р е н -
н ы х д е л К а з а х с т а -
н а с о о б щ а л о л и ш ь о
20 случаях работоргов-
ли в прошлом году, некото-
рые эксперты говорят, что эти
показатели сильно занижены.

Более точная информация недо-
ступна. Однако местные неправ-
ительственные организации
сообщают, что в прошлом году,
по меньшей мере, 100 граждан
из соседних Узбекистана, Кыр-
гызстана и других стран под-
верглись в Казахстане трудо-
вой или сексуальной эксплуата-
ции. Эти показатели не отража-
ют данных о перевезенных и вы-
везенных из республики людях.

Термин «работорговля» приме-
няется в тех случаях, когда люди
тайно переправляются в страну
или перевозятся по ее террито-
рии с целью их дальнейшего при-
нуждения к работе, часто якобы
для того, чтобы покрыть расходы
по их перевозке. Принуждение и

усло-
вия ра-
боты в не-
которых, но не
во всех случаях при-
равняются к неволе
или даже рабству. Таким об-
разом, работорговля – это не то
же самое, что просто «контра-
банда людьми» или «контрабан-
да мигрантами», когда перевоз-
ка осуществляется незаконны-
ми методами, но человек, на-
ходясь в пределах страны, мо-
жет свободно отделиться и ис-
кать работу самостоятельно.

Председатель правления Со-
юза кризисных центров Ка-
захстана Зульфия Байсако-
ва сомневается в подлинно-
сти официальной информации.

«Данные МВД ничтожно малы.
20 случаев на 16 миллионов че-
ловек – это просто ничтожно ма-
лые показатели, - говорит она. –
Сфера, прибыль от которой со-
ставляет третью в регионе ста-
тью по доходности [после тор-
говли наркотикам и финансиро-
вания подрывных организаций],
не может ограничиваться столь

не-
зна-
чи-
тель-
ны-
ми цифрами».

В докладе Государствен-
ного департамента США о ра-
боторговле за 2009 год говори-
лось, что за отчетный период в
Казахстане зарегистрировано
50 жертв работорговли, однако
там же было отмечено, что эти
случаи остались незафиксиро-
ванными властями Казахстана.

Бекет Аймагамбетов, замести-
тель председателя Комитета
криминальной полиции МВД Ка-
захстана, сказал IWPR, что в пе-
риод с января по март текущего
года было зарегистрировано 13
подобных случаев. Семь из них
включали в себя работорговлю,
в четырех случаях - несовершенно-
летними; 2 факта вовлечения
в занятия проституцией, 2 - по-
хищения с целью эксплуатации.
В отчете Госдепартамента от-
мечалось, что в Казахстане ра-
боторговля представлена в не-
скольких формах. Мужчины,
женщины и дети из Узбекиста-
на, Таджикистана и Кыргызста-

на пересекают страну по пути в Россию и Объединенные Арабские Эмираты для работы в секс-индустрии или для принудительного труда на строительных участках и в сельскохозяйственном секторе. Значительное число граждан Узбекистана приезжают в Казахстан самостоятельно для работы в сфере проституции, в качестве прислуги или на плантациях табака, хлопка и в мясомолочном производстве. Кроме этого, с целью принуждения к работе в сфере проституции или к другому принудительному труду существует работорговля и внутри страны.

Женщины из Казахстана переправляются для секс-индустрий Китая и Турции.

Причиной того, что Казахстан считается благоприятным маршрутом для работорговли, является его географическое расположение – страна имеет протяженные границы с другими центрально-азиатскими странами на юге и с Россией – на севере.

Казахстану еще предстоит ратифицировать Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности. Однако работорговля с целью эксплуатации запрещена несколькими статьями Уголовного кодекса страны. В 2006 году наказание за работорговлю было ужесточено до 15 лет заключения.

По данным Госдепартамента, в 2008 году 44 полицейских расследования закончились 30 исками, что в два раза больше, чем в 2007 году. 24 обвиняемых были признаны виновными.

По оценкам Международной организации по миграции, 70% лиц, предназначенных для работорговли, провозятся через Казахстан. Для остальных эта

страна является конечным пунктом транспортировки. Восемь из десяти перевозимых – женщины или несовершеннолетние.

В докладе Госдепартамента говорится, что хотя власти Казахстана «не в полной мере соблюдают стандарты в отношении работорговли, предусмотренные международными стандартами, они прилагают значительные усилия для их выполнения». Меры по борьбе включают в себя проведение расследований, преследование в судебном порядке и признание виновными торговцев людьми, а также улучшение программ по информированию общества.

Байсакова считает, что властям необходимо установить жесткий контроль над работорговлей. «Для Казахстана, который стремится войти и в число 50 наиболее конкурентоспособных стран, и в ВТО, - это большая проблема», - сказала она.

Министерство внутренних дел Казахстана утверждает, что для борьбы с работорговлей уже имеются все необходимые механизмы, такие, как национальный план действий и координационный совет при Министерстве юстиции.

На более низком уровне национальная полиция и соответствующие департаменты в Астане и Алматы, столице страны и самом крупном ее городе, соответственно, создали отделы по борьбе с работорговлей с горячей линией, на которую могут звонить жертвы. По словам Байсаковой, полиция и другие соответствующие агентства не осуществляют согласованные действия на должном уровне, и их штат не имеет достаточной подготовки.

«Вся координация правительства по противодействию работорговле является номинальной», - считает Байсакова.

Кроме того, нет необходимой в этом деле связи с другими странами, утверждает она. «Я говорю о действиях наших полицейских за рубежом. Их там просто игнорируют», - сказала она.

Сотрудник Казахстанского международного бюро по правам человека и соблюдению законности Андрей Гришин согласен с тем, что в стране нет комплексного подхода к решению проблемы торговли людьми.

Единственной сферой, по словам Гришина, где были заметные улучшения, является торговля женщинами в другие страны. «Этим вопросом заинтересовались международные организации, и поэтому Казахстан должен был как-то среагировать на их высказывания», - пояснил он.

СЕКСУАЛЬНОЕ НАСИЛИЕ В СЕМЬЕ – САМОЕ БОЛЬШОЕ ТАБУ

Толерантность по отношению к сексуальному насилию в семье и отсутствие информированности о своих правах делает защиту женщин-жертв сложным делом.

Евгения Ким, г. Бишкек

Отчим изнасиловал Айдай, когда ей было 16 лет. Тогда она никому ничего не сказала. Из-за его угроз она не могла довериться даже своей матери.

Позже Айдай вышла замуж, но ее отчим был против брака и стал распространять слухи о том, что она потеряла невинность до брака – что до сих пор является постыдным в кыргызском сообществе – и что она занималась проституцией.

Муж поверил Айдай, когда она рассказала, как все было на самом деле, но под давлением своих родственников, поверивших в обвинения, развелся с женой.

Кроме того, мать девушки тоже отвернулась от нее из-за того, что дочь «опозорила семью».

Айдай, которой сейчас 24 года, мучительно осознавать, какую цену она заплатила за то, что случилось не по ее вине.

«Мне бы хотелось, чтобы у нас изменили законы. Я не знаю – как, - сказала она IWPR. – Но этот ужас, который произошел со мной много лет назад, теперь рушит вообще все».

Принимая во внимание распространенное мнение о том, что о домашнем насилии лучше не говорить, не удивительно, что сексуальное насилие в семье рассценивается как действие, постыдное для женщины, а не как уголовное преступление, о котором следует сообщить властям с последующим проведением расследования.

Эксперты согласны с Айдай в том, что Кыргызстану требуется более жесткое законодательство. Они также считают, что необходимо введение программ для повышения осведомленности общественности с целью воспитать другое отношение и добиться, чтобы жертвы сексуального насилия получили необходимую защиту.

Точные статистические данные о домашнем сексуальном насилии получить трудно, хотя число женщин, обращающихся в кризисные центры, дает некоторое представление о проблеме.

По данным Ассоциации кризисных центров Кыргызстана, 7300 женщин обратились в центры по всей стране; восемь случаев из десяти подпадают под определение домашнего насилия. Тем временем, по словам представителя кризисного центра «Сезим», насилию подверглись 23% обратившихся к ним женщин.

Представитель Министерства внутренних дел заявил, что число зарегистрированных случаев домашнего насилия растет, хотя и добавил, что «статистика никогда не отражает всей картины. Большая часть [случаев насилия] остается никому не известной».

Представитель МВД связывает рост сексуального насилия с увеличивающимся уровнем без-

работицы, бедности и вызванным последними факторами ростом употребления алкоголя.

Многие жертвы и не догадываются, что могут получить помощь, а те, кто осмеливается рассказать о том, что с ними произошло, рискуют оказаться непонятыми в милиции, к их словам могут не отнестись со всей серьезностью. Кроме этого, они рискуют подвергнуться гонениям в собственных семьях, стремящихся во что бы то ни стало сохранить свое доброе имя.

Тимур, молодой врач, согласившийся назвать только свое имя, сказал, что понимает, почему так много женщин страдают молча.

«За насилие, неважно над кем, предусмотрена уголовная ответственность. А женщины часто молчат об этом потому, что боятся огласки, - сказал он. – У нас, к сожалению, распространено такое мнение, что если женщина оказалась в такой ситуации, то значит “она сама во всем виновата”».

Наталья Павлова, психотерапевт из центра «Сезим», объясняет, что отношение к сексуальному насилию в семье имеет корни в общем отношении общества, для которого секс – это табу, ассоциирующееся с позором и порицанием.

«В здешних семьях тема секса закрыта. По этой причине женщины ничего не рассказывают даже родственникам», - сказала она.

Изнасилование и другое физическое насилие караются уголовным законодательством Кыргызстана. Однако обычно женщины, подвергшиеся насилию, не обращаются в правоохранительные органы.

По словам Павловой, женщины, особенно из сельской мест-

ности, часто не знают, что существуют законы для защиты жертв насилия.

«Они не знают, что по закону насильник может быть наказан», - сказала она.

17-летнюю Мээрим изнасиловал двоюродный брат, который был старше ее на три года. Он находился в состоянии алкогольного опьянения. Тогда она ничего не сказала родителям, так как не верила, что родители или милиция могут что-либо предпринять. «Правоохранительные органы не считают семейное насилие, в том числе и насилие в отношении женщин, преступлением», - говорит Павлова.

Когда жертвы насилия все же подают заявление, все может закончиться тем, что они его заберут, и делу не будет дан ход.

Айжан Джуманалиева, юрист Центра поддержки женщин в Бишкеке, пояснила, что может пройти несколько дней с того времени, как было подано заявление до тех пор, когда милиция решит, нужно ли заводить дело. Жертвам приходится возвращаться домой и противоре-

вать насильнику, если им больше некуда пойти.

Именно в этот момент неопределенности жертву могут заставить забрать свое заявление, включая принуждения с помощью физического насилия.

«На данном этапе очень важно избавить жертву от чувства вины, которое, скорее всего, она испытывает. Для того чтобы ей прийти в себя, необходимо хотя бы временное безопасное проживание вдали от виновника насилия», - говорит Павлова.

По мнению Джуманалиевой, завести дело и представить необходимые доказательства может быть очень трудно.

«Бывает, что преступление доказать сложно или практически невозможно – если это изнасилование, которое произошло очень давно, или психологическое давление. В 99% [такое] заявление не принимают», - сказала она.

Психолог Виктория Тянь, выступающая в суде от имени жертв домашнего насилия, говорит, что в некоторых случаях, когда дело доходит до разбирательства, жертва может попасть

под давлением судей, выражающих общепринятое мнение, что насилие в семье не должно подпадать под юрисдикцию уголовного законодательства. Известны случаи, когда судьи призывали истцов подумать о своих детях и отозвать заявления.

«[Они] до последнего тянут с решением и говорят о том, что можно примириться», - говорит Тянь.

Женщина, назвавшаяся Еленой, сказала, что писала на своего мужа заявления в милицию несколько раз. И каждый раз забирала заявления и возвращалась к нему.

Хотя она подвергалась побоям и сексуальному насилию с самого начала их совместной жизни, Елена говорит: «Я не хочу, чтобы его посадили. Он работает и

обеспечивает семью, а я не могу сама зарабатывать».

Тем не менее, сейчас Елена ищет пути выхода из ситуации. Она хочет на время остаться в кризисном центре; она слышала, что центр помогает организовать курсы по получению рабочей специальности повара, швеи или парикмахера.

«Я тоже хочу туда попасть и больше не зависеть от мужа. Тогда у меня будет возможность от него уйти», - говорит она.

Женские кризисные центры, десять из которых находятся в столице страны Бишкеке и имеют подразделения по всей стране, предлагают консультационную и юридическую помощь, а в некоторых из них есть приюты.

Мээрим среди тех, кто пришел в кризисный центр, когда ей больше не к кому было обратиться.

«Я бы хотела, чтобы у пострадавших женщин было больше информации о таких центрах. Мне повезло, об этом центре мне рассказала подруга,

но ведь очень многие ничего о них не знают», - сказала она.

Александра Елиференко, глава кризисного центра «Шанс», говорит, что эти организации не могут

бороться с проблемой самостоятельно, поэтому важно, чтобы НПО и правоохранительные органы работали вместе и проводили кампании, поднимая уровень информированности населения – и одновременно понижая уровень толерантности – по

отношению к сексуальному насилию в семье.

«Законы и права женщин должны быть озвучены и поняты. А самым главным является их принятие на общественном уровне», - сказала она.

Добиваясь большей информированности среди женщин, Павлова считает, что нужно предпринимать шаги по работе с мужчинами с целью предотвратить их превращение в насильников.

«До сих пор вся помощь была направлена на жертв сексуального насилия. Однако с этого года некоторыми НПО осуществляется обучающая программа для виновников насилия, - сказала она. – Существует программа, которая предусматривает обучение ненасильственному общению в семье. В программу входят анализ собственного поведения насильника и совместная выработка альтернативного поведения».

Она также добавила, что в некоторых странах насильника можно принудить к участию в специальных программах.

Тянь отмечает, что домашнее сексуальное насилие может вызвать продолжительные психологические проблемы.

«Даже если девушки прощают своих насильников и молчат потом всю жизнь, травма все равно остается, - говорит психолог. – Это сильнейший стресс, который чем больше пытаешься забыть, тем острее он проявится в дальнейшей жизни».

Айдай, которая до сих пор пожинает плоды случившегося, жалеет, что не предприняла нужных действий восемь лет назад.

«Я жалею, что у меня тогда не хватило смелости все рассказать. Теперь уже ничего не докажешь», - добавляет она.

Надежды на более строгое законодательство в отношении применения пыток

Правозащитники Кыргызстана надеются, что более действенные механизмы помогут положить конец применению пыток по отношению к задержанным.

Ненадлежащее обращение с задержанными остается весьма распространенным явлением, особенно на начальном этапе следственных мероприятий, когда сотрудники правоохранительных органов стремятся получить признание и раскрыть дело.

Только за последние три года Коалиция против пыток, являющаяся объединением неправительственных организаций из Казахстана и Таджикистана, а также из Кыргызстана, выявила 83 случая, когда, по неподтвержденной информации, были применены пытки. Из 59 случаев, зарегистрированных за один год, окончившийся в апреле 2008 года, 53 имели место в ИВС (изоляция временного содержания).

Начальник отдела по предотвращению пыток Института омбудсмена Икрам Мамешов полагает, что это заниженные цифры. "Невыявленных случаев гораздо больше", - говорит он, добавив, что проблема наиболее остро стоит в районных отделениях внутренних дел.

«Время от начала оперативно-розыскной работы и до возбуждения уголовного дела считается самым опасным, - говорит Мамешов. - Именно в этот период в отношении задержанного могут применить пытки».

Существует очень распространенное мнение, что такие нарушения являются обычным явлением.

Эксперты считают, что превентивный механизм против пыток будет действенным только в том случае, если координирующий его орган будет независим от властей.

Саида Абдразакова, г. Бишкек

«В милиции [моего] брата жестоко избивали до тех пор, пока он не взял на себя вину, - рассказывает в своем интервью IWPR Валерий, не назвавший своей фамилии. Он настаивает на том, что его брат отбывает наказание за преступление, которого не совершал. - Применив пытки, можно "повесить" на человека любое дело». «Все знают, что преступники откупаются и спокойно гуляют на свободе, но чтобы вести хорошую статистику раскрываемости преступлений, нужно, чтобы кто-то сидел вместо тех, кто совершил преступления», - говорит Валерий.

Мамешов отмечает: «Доказать, что пытки имели место, - очень сложно, поскольку сотрудники милиции могут сказать, что те или иные травмы были получены при оказании сопротивления, или же заявить, что задержанного избили сокамерники».

Мамешов утверждает, что помимо грубого нарушения профессиональной этики применение пыток с целью принуждения задержанного для дачи показаний демонстрирует неспособность милиции собрать доказательства при помощи других методов.

«В современном мире появилось множество видов идентификации по ДНК, но у нас в республике нет такого оснащения, - говорит Мамешов. - Чтобы сделать анализ ДНК, придется ехать в соседний Казахстан. При этом оплачивать проведение анализов приходится родным подозреваемого, чтобы доказать его невиновность».

Бакыт Сеитов, руководитель пресс-службы МВД - ведомства, в чьем подчинении находятся сотрудники милиции, - в своем интервью IWPR заявил, что со времен обретения Кыргызстаном независимости он не слышал ни

об одном случае, когда милиция пыталась получить признание при помощи насильственных методов.

Сначала подозреваемые находятся под стражей милиции в рамках юрисдикции Министерства внутренних дел. Затем в течение дальнейшей стадии расследования до суда их помещают в СИЗО (следственный изолятор). Данный институт, как и тюрьмы, находится в ведении МВД.

Начальник отдела воспитания и правовой защиты осужденных Главного управления исполнения наказаний Министерства юстиции Табыш Мукаев отрицает применение пыток.

Он заявил IWPR, что по результатам проверки пенитенциарных учреждений в феврале этого года «могу с ответственностью сказать, что пыток в нашем ведомстве нет».

Мукаев отмечает, что за последние годы в пенитенциарной системе Кыргызстана произошли серьезные изменения, и сейчас ГУИН готов к сотрудничеству с гражданским обществом. Если раньше проверки проводились всего лишь раз в год, «то сейчас мы обязаны мгновенно реагировать на каждое заявление о нарушении прав заключенных. При этом заявить о применении пыток могут не только заключенные, адвокаты, но и их родственники».

Тем не менее, работа милиции и вся пенитенциарная система остаются закрытыми для общественности.

Координатор общественного фонда «Голос свободы» в Кыргызстане Эрнс Жапаров отмечает, что все запросы НПО о получении разрешения посетить тюрьмы обычно игнорируются, так как отсутствует юридический механизм, согласно которому власти должны были бы предоставить этот доступ НПО.

Правоведы надеются, что все начнет меняться после присоединения Кыргызстана к международному соглашению в прошлом году.

Кыргызстан является участником Конвенции ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство действий с 1996 года. Кроме этого Кыргызстан взял на себя дополнительные обязательства, ратифицировав факультативный протокол к данному документу в феврале 2009 года.

Дополнительный протокол должен «создать систему регулярных посещений независимыми международными и национальными структурами» мест задержания.

Помимо получения доступа в тюрьмы Кыргызстана для групп проверяющих из-за рубежа, активисты Кыргызстана надеются, что и представителям местных НПО будет разрешено посещать пенитенциарные учреждения и учреждения предварительного задержания с целью выявления жалоб о нарушениях, их огласки и решения проблем.

«Создание превентивного механизма позволит представителям гражданского общества иметь беспрепятственный доступ в закрытые учреждения, - говорит Жапаров. - Что, в свою очередь, будет способствовать повышению уровня ответственности и профессионализма сотрудников правоохранительных органов».

То, в какой форме будет действовать данный механизм, все еще находится на стадии обсуждения; возможно, будет создана национальная комиссия по пыткам или модель под названием «омбудсмен плюс». Согласно последней идее, омбудсмен будет работать в тандеме с региональными группами мониторинга, действия которых будет координировать центр мониторинга по пыткам.

Хотя офис омбудсмена в Кыргызстане финансируется из государственного бюджета, он все же доказал, что является независимой организацией, имеющей свой голос. Например, в феврале офис омбудсмена подготовил весьма критический отчет о разгоне демонстрации в прошлом году, где приведены подробности нарушения милицией прав задержанных и использования силы для выбивания признаний.

Руководитель ОО «Граждане против коррупции» Толекан Исмаилова считает, что данный механизм должен быть правильно сформирован, учитывая деликатность такого вопроса, как пытки, в поляризированной политической среде Кыргызстана. Она полагает, что данный механизм будет работать только в том случае, если он будет полностью нейтральным, и в то же время если в его функционировании будут заинтересованы правительство и президент Курманбек Бакиев.

Она отметила: «Институт по предотвращению пыток должен быть независимым от государства и в то же время не быть врагом государства».

Мамешов же настроен более оптимистично, считая, что механизмы, повышающие контроль со стороны общественности, могут творить чудеса.

«Если следователи будут знать, что за их действиями наблюдают представители гражданского общества, они уже не смогут так безнаказанно нарушать закон», - считает Икрам Мамешов.

БОРЬБА С РАННИМИ БРАКАМИ В ТАДЖИКИСТАНЕ

Поправки в закон не изменяют ситуацию с ранними браками в Таджикистане, считают активисты.

Аслибегим Манзаршоева
г. Душанбе

Растущая тенденция вступать в брак в возрасте 16 лет лишает девушек образования, создает угрозу их здоровью и делает их уязвимыми перед домашним насилием, говорят правозащитники и медики.

Правозащитники одобрили решение правительства о принятии поправки в Семейный кодекс, предусматривающей увеличение возраста вступления в брак с 17 до 18 лет. Предложение было отправлено на рассмотрение президенту страны Эмомали Рахмону Комитетом по делам женщин и семьи. Если президент поддержит эту инициативу, документ будет направлен в парламент.

Данное предложение стало результатом двухлетней кампании, инициированной неправительственными организациями и получившей поддержку ООН. По мнению НПО, такую поправку следовало принять уже давно.

Тем не менее, правозащитники считают, что новое законодательство само по себе не решит проблему. Потребуется механизм для усиления законов, направленных на сокращение числа ранних браков и повышение информированности женщин об их правах.

Предложенная поправка не изменит положение Гражданского кодекса, согласно которому местные органы власти «в особых случаях» могут разрешить регистрацию брака между гражданами, не достигшими разрешенного возраста. По словам активистов, данное исключение стало самым настоящим правилом.

По мнению директора Ассоциации женщин с университетским образованием Гульджахон Бобосадыковой, «именно эти “исключительные обстоятельства” используются для едва ли не массовой выдачи девушкам замуж».

Согласно последним исследованиям уровня жиз-

ни населения, проведенным статистическими агентствами Таджикистана два года назад, около 9% девушек в возрасте от 15 до 19 лет были замужем.

Согласно данным, полученным в Душанбинском Дворце бракосочетаний, за первое полугодие текущего года было зарегистрировано 9 пар, где девушкам в момент регистрации исполнилось только 16 лет, и еще 117 пар, где будущим женам было по 17 лет.

Директор столичного Дома бракосочетаний Барно Насимова говорит, что эти браки были зарегистрированы в соответствии с законом. «Эти девять пар были зарегистрированы по решению суда. Причинами [исключения из правил] стало либо то, что они полюбили друг друга и просят узаконить свои отношения, либо что она [невеста] – сирота, или указывали другие причины», – сказала Насимова.

И правозащитники, и врачи говорят, что ранние браки несут с собой массу проблем. Из-за ранней беременности здоровье молодых женщин подвергается нагрузкам, и, кроме этого, они лишены личностного развития и не имеют возможности получить образование. Также такие женщины могут стать жертвами домашнего насилия.

По словам директора Центра репродуктивного здоровья Гульджахон Тумановой, «выходя замуж в 16-17 лет, девушка еще психологически не готова к замужеству, к беременности, к материнству, хотя физически она и кажется развитой».

70% женщин в Таджикистане страдают от анемии, и большая

часть случаев заболевания приходится на молодых женщин. Ранняя беременность также становится причиной выкидышей или недоразвитости ребенка, говорят медики.

По словам Тумановой, иногда 20-летние женщины уже являются матерями двоих или троих детей, не имея при этом ни образования, ни какого-либо жизненного опыта. Такие женщины не готовы к трудностям в воспитании детей.

Председатель общественного фонда «Панорама» Татьяна Бозрикова указывает, что девочки, рано вышедшие замуж, не получают достаточного образования.

«Если говорить о социальных последствиях таких браков, то в первую очередь это приводит к тому, что девочки бросают школу», - сказала Бозрикова.

По ее словам, это можно заметить по соотношению девочек и мальчиков в школе: «Если в начальной школе соотношение еще более или менее, то в 10-11 классах девочки составляют где-то 38%, а если взять по отдельным регионам, то там еще меньше».

Киматгул Алибердиева, первый заместитель Комитета по делам женщин и семьи, согласна с Бозриковой в том, что злоупотребление пунктом закона об «особых случаях» означает, что девушки не получают образования. «Получается так, что в 17 лет девушка еще сидит за партой, еще учится, но ее уже выдают замуж. Вот где кроется проблема», - говорит Алибердиева.

По словам Бобосадыковой, окончание школы – это важный первый шаг для повышения социального статуса девушки. «Чтобы вступить в новую жизнь, девушки должны иметь [образование, чтобы получить] какую-то свою экономическую основу», - сказала она.

Директор Центра гендерных исследований Марьям Давлатова говорит, что отсутствие образо-

вания является острой проблемой, так как иногда невесте может быть 15 лет. По ее мнению, эта категория девушек особенно уязвима перед домашним насилием. Некоторые из них едва ли умеют читать и писать.

«О каких правах она может знать? Для того чтобы что-то защищать, надо сначала знать, что это. Это вот как раз продукт для домашнего насилия», - говорит Давлатова.

20-летняя Фируза из города Курган-Тюбе, расположенного в 90 км от Душанбе, уже дважды была замужем; в первый раз родители заставили ее выйти замуж в возрасте 15 лет. Впервые она увидела своего мужа на свадьбе.

Ей очень трудно было привыкнуть к порядкам в новой семье. Свекровь раздражало то, что Фируза, воспитанная в другом регионе, обращалась к ней на «ты». Это расценивалось как признак неуважения.

Муж Фирузы, тем не менее, полюбил ее, однако под давлением матери оставил жену, когда та была на третьем месяце беременности.

Она сделала аборт по совету сестер, которые говорили ей, что без ребенка у нее будет больше шансов найти нового мужа. Фируза не смогла справиться с потрясением от потери ребенка и попала в больницу с нервным срывом.

Вскоре после возвращения в дом родителей Фируза вышла замуж за парня из своего села. Этот брак тоже долго не продлился, и Фируза развелась во второй раз в возрасте 19 лет. Муж бросил ее, не в силах терпеть насмешки друзей по поводу того, что он взял в жены разведенную женщину.

Не имея детей и разведясь во второй раз, Фируза получила второй нервный срыв, и теперь живет с родителями под наблюдением врачей.

Ранние браки традиционны для Таджикистана, однако в определенные периоды, включая и годы гражданской войны, 1992-1997, эта практика была еще больше распространена.

Во время войны был отмечен рост числа девушек, которых родители заставили выйти замуж из страха, что те могут стать жертвами насилия во время беспорядков. В таком случае на семью пала бы тень, а для самой девушки шансов вступить в брак было бы очень мало.

Во время войны Джумагуль была подростком. Ее родители были беженцами, приехавшими в Душанбе из Бохтарского района южной Хатлонской области. Они выбрали для дочери мужа и выдали ее замуж, когда ей было 16.

Мужу - которого Джумагуль по традиции впервые увидела на свадьбе - она не понравилась. Вначале они каждый день ссорились, а затем он начал бить ее. А родственникам мужа не нравилось то, что она из сельской местности. «Свекровь и сестра мужа тоже не давали мне житья. Постоянно упрекали, говоря «ты кишлчанная, ничего не умеешь», - рассказывает она.

От ее семьи поддержки было мало. «Родители все время уговаривали меня терпеть, мол, все образуется. Четыре года жила в этом аду», - говорит Джумагуль. Когда Джумагуль развелась с мужем и вернулась в дом родителей, ее братья заявили, что она – обуза для семьи. Будущее девушки туманно. «Пока живы мои родители, они не могут мне ничего сделать, но когда родителей не станет, брат меня выгонит из дома», - говорит она.

«Иногда меня посещают мысли покончить жизнь самоубийством, и только сын меня удерживает», - сказала девушка.

Проблема ранних браков достигла критической точки, и девушки в возрасте 20-ти лет считаются старыми девами. В результате того, что родители заставляют дочерей выходить замуж пораньше, все больше девочек не оканчивают школу. Обычно дети оканчивают школу в 18 лет.

Ситуация ухудшилась из-за недостатка мужчин, вызванного тем, что многие парни трудоспособного возраста уезжают за границу в поисках работы. Около 1,5 миллиона трудовых мигрантов из Таджикистана трудятся сегодня в России и Казахстане.

«Сегодня дело доходит до абсурда. Двадцатилетние девушки во многих районах страны считаются переростками, и родители предпочитают отдавать дочь первому, кто придет в дом свататься, чем оставлять их “старыми девами”», - говорит Алибердиева.

Житель села Садриддиншон, Воейского района на юге Таджикистана, назвавшийся Саади, подтвердил IWPR, что девушка считается старой девой, если не вышла замуж в течение двух лет после окончания школы.

«В этом году отдают замуж девочек 1990-1991 годов рождения. В селе очень много старых дев, и еще больше женщин, уже разведенных. Мужчин нет, они все в России женятся», - сказал он.

Правозащитники указывают на то, что статистика отражает только официально зарегистрированные браки. Это искажает реальную картину, потому что некоторые девушки выходят замуж по религиозным обрядам.

Большая часть населения республики – мусульмане-сунниты, и для них считается традиционным вступление в брак через процедуру под названием «никох», проводимую в присутствии муллы.

Два года назад власти в стремлении решить проблему приняли закон, запрещающий духовным лицам проводить церемонию бракосочетания без свидетельства гражданской регистрации.

Хотя принятие закона сыграло свою позитивную роль в сокращении числа незарегистрированных браков, для обеспечения его выполнения нужно сделать больше, говорят активисты.

Давлатова указывает на отсутствие механизмов для оповещения правоохранительных органов о случаях нарушения этого закона. Сообщать об этом не должны сами девушки, следует найти более действенное решение, говорит она.

Ранние браки, по словам Насимовой, являются одной из причин растущего числа разводов в стране по причине того, что многие пары слишком незрелы для брака. «Только по нашему Дому бракосочетания за первое полугодие 2009 года был зарегистрирован 441 расторгнутый брак. За аналогичный период прошлого года эта цифра составила 420 разводов», - сказала она.

Активисты и эксперты сходятся во мнении, что проблему ранних браков можно решить, но начать борьбу нужно со всех сторон. Эффективное законодательство, кампании по информированию молодых женщин об их правах, а также возможность окончить школу – вот что, по мнению участников кампании, позволит улучшить жизнь девушек.

По мнению Бозриковой, «нужно в комплексе вести работу со стереотипами, с женщинами, мужчинами, родителями». Бобосадыкова считает, что необходимо четко обозначить исключительные случаи в законе о ранних браках для предотвращения злоупотребления этой оговоркой и неверной ее трактовки.

Исполнительный директор Лиги женщин-юристов Таджикистана Зебо Шарифова убеждена, что без повышения уровня правового образования женщин проблема не решится. Это особенно важно для сельской местности: «Ранние браки мы часто встречаем в отдаленных регионах. В отдаленных районах мало женщин и вообще людей, информированных о своих правах», - говорит она.

«Они не знают, что такое семейное законодательство, что такое гражданские правоотношения, и поэтому отдают своих дочек молодым людям, у которых уже имеются жены», - добавила Шарифова.

Бозрикова говорит, что многое зависит от качества соблюдения законов. Редки случаи, когда граждане, виновные в принуждении к браку или воспрепятствовании получению образования несовершеннолетними, привлекаются к ответственности.

По ее мнению, увеличение возраста для вступления в брак не поможет прекратить практику ранних браков. Помимо введения поправки следует бороться со стереотипами и бедностью в стране. Однако, создав эффективную правовую основу, власти смогут контролировать ситуацию, считает она.

Таджикские солдаты отстаивают свое право на получение компенсаций за минные ранения

Бывшие военнослужащие, пострадавшие от мин, считают, что государство бросило их на произвол судьбы.

Аслибегим Манзаршоева
г. Душанбе

Бывшие военнослужащие таджикской армии, покалеченные в результате минных взрывов, жалуются, что правительство удерживает причитающиеся им компенсации за ранения, полученные ими при исполнении своих служебных обязанностей.

В 1995 году Джафар Нозимов служил в правительственных войсках во время борьбы с оппозиционными партизанскими группировками в регионе Тавильдара на востоке страны. Именно во время своей службы Джафар наступил на мину и потерял ногу, когда пытался вытащить тела двух мальчиков, погибших в результате взрыва мины днем ранее.

После того, как его признали непригодным для дальнейшей воинской службы, Нозимов сказал: «Я обратился с неоднократным заявлением в военную часть, где служил, потом военкомат, затем в Министерство обороны и Военную прокуратуру. Везде один ответ, они не могут оплатить страховку и единовременное пособие, так как вы у нас не числитесь больше».

Кроме Нозимова, в Таджикистане проживает около 90 бывших военнослужащих, получивших минные ранения, и около 40 семей, чьи родные были убиты при исполнении в результате взрывов мин. Многие из них жалуются на то, что они не получили соответствующей компенсации.

Согласно данным Таджикского центра по разминированию,

правительственного учреждения, созданного в 2003 году и финансируемого ООН с целью реализации программы по разминированию, начиная с 1992 года более 350 человек погибли, и около 450 были ранены в результате взрывов мин или необезвреженных боеприпасов.

Многие из них - гражданские лица, которые наступили на мины во время выпаса скота, сельскохозяйственных работ или сбора дров в неотмеченных минных зонах. Около трети пострадавших - дети.

По подсчетам Центра по разминированию, из всех убитых или пострадавших в результате взрывов мин только одна десятая часть людей служили на тот момент в вооруженных силах.

Противопехотные мины были заложены в Таджикистане в течение трех различных исторических периодов на трех различных участках: это мины, заложенные вдоль афганской границы советскими войсками в 80-е годы; мины, заложенные в восточной долине Рашт во время гражданской войны 1992-1997 годов; и мины, заложенные узбекскими военными для защиты границы с Таджикистаном после нападений исламских боевиков в 1999-2000 годах.

Одной из последних жертв стал 26-летний Мухаммад Ерахманов, потерявший глаз в результате взрыва мины в районе Дарваз на юге Таджикистана в июне этого года.

А Талабшо Косимов, как и Нозимов, пытается получить компенсацию со времен гражданской войны, окончившейся более 10 лет назад. Будучи призванным в армию, он потерял

ногу при операции по разминированию в 1996 году. После 9 месяцев в армейском госпитале и последующей выписки Косимов так и не получил ни страховки, ни единовременной выплаты, причитающейся жертвам мин.

Тогда командир его подразделения сказал, что денег не хватает даже на выплату зарплат действующим офицерам. А когда Косимов ушел из армии, ему сказали, что он больше не имеет права на выплату, так как является гражданским лицом.

Его отправили в местную администрацию района Кулоб, где он получил пенсию по инвалидности в размере 18 долларов в месяц – сумма, состав-

ляющая меньше официально-прожиточного минимума.

Косимов работает в местной больнице, получая дополнительные к мизерной пенсии средства, но все же ему приходится нелегко. «Заработной платы и незначительной пенсии по инвалидности, сами понимаете, отцу троих детей не хватает», – говорит он.

Косимов и Нозимов считают, что Министерство обороны просто отмахнулось от них. Однако они настаивают на том, что им причитаются прошлые и текущие выплаты.

Нозимов утверждает, что многие бывшие солдаты «не получили никакой компенсации и помощи от государства, несмотря на то, что являемся инвалидами разных групп».

«Многие ребята не трудоспособны и хотят работать, а на мизерные пенсии по инвалидности невозможно содержать семью», – добавил он.

Нозимов говорит, что в результате 30-процентного сокращения выплат 4 года назад единовременная выплата пострадавшим военнослужащим при уходе в отставку на сегодняшний день составляет около 540 долларов.

В своем письме IWPR представители Министерства обороны заявили: «Отказа по вопросам выплаты страховых сумм и единовременных пособий, предусмотренных действующим законодательством, не было».

В заявлении также говорится, что, как и в 2005 году, Министерство обороны финансирует выплаты через государственную страховую компанию, в то время как определенное воинское подразделение ответственно за выдачу единовременных выплат, причитающихся бывшим пострадавшим военным этого подразделения.

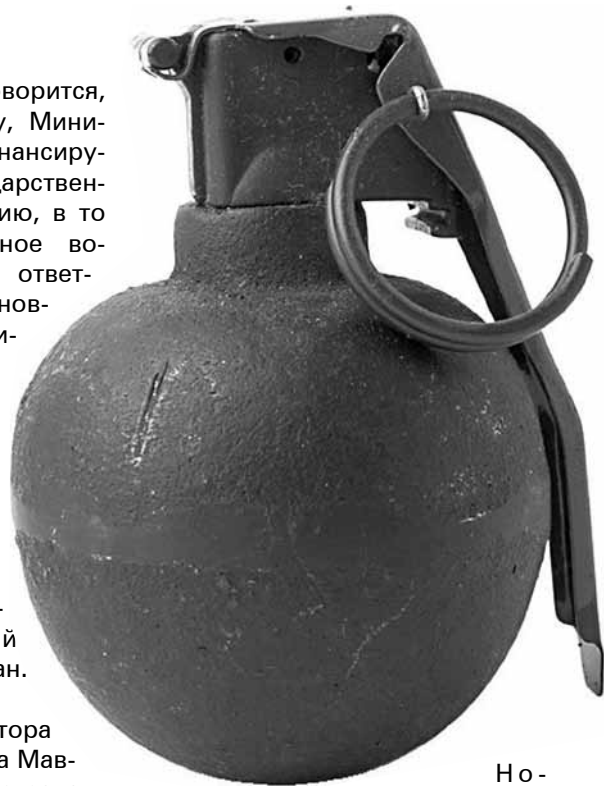
Генерал-майор Абдукадор Сатторов, возглавляющий инженерные подразделения в воинском штабе, добавляет, что весь действующий состав был застрахован.

По словам координатора операций штаба Парвиза Мавлонкулова, любой пострадавший в нынешних противоминных операциях, проводимых Центром по разминированию, имеет право на выплату страховки и бесплатное лечение. Размер выплат зависит от тяжести ранения, а в случае смерти родственники погибшего могут рассчитывать на выплату в размере 20,000-25,000 тысяч долларов.

Данные платежи осуществляются Центром по разминированию и его донорами. «Безусловно, и Минобороны оказывает содействие, но, вы сами понимаете ситуацию в Таджикистане, эта сумма намного меньше, чем та, которую они получают от страховочных компаний», – говорит Мавлонкулов.

Бывшие военнослужащие, получившие травмы еще раньше, должны получить компенсацию только от Министерства обороны и других правительственных учреждений.

По словам Нозимова, чиновники из Министерства обороны отмахиваются от военнослужащих, посылая их запросы в местную администрацию, которая, в свою очередь, ничего не делает, чтобы помочь пострадавшим. «Мы уже не знаем, к кому еще обращаться», – говорит он.

Нозимов вместе с другими военнослужащими пытается создать объединение бывших военнослужащих с целью получения достойной компенсации. Эта группа предоставляет бывшим пострадавшим военным юридическую консультацию, а также помогает им в поисках работы, чтобы те могли кормить себя и свои семьи.

Эта организация делает первые шаги и сама сталкивается с финансовыми проблемами. Как-то ее активисты были вынуждены обратиться в Министерство обороны с просьбой предоставить помещение для офиса. Однако Министерство обороны отказало в просьбе, заявив, что существует уже достаточно организаций, помогающих пострадавшим.

Представитель министерства перечислил их IWPR: это Национальная ассоциация инвалидов, Общество глухонемых, а также фабрика по изготовлению протезов.

Несмотря на это, Мавлонкулов приветствует данную инициативу, так как новая ассоциация может защищать интересы своих членов и даже может получить доступ к финансированию со стороны доноров.

Искоренить детский труд на хлопке возможно?

Фермеры в Узбекистане говорят, что если бы власти дали им больше свободы, можно было бы обойтись при сборе хлопка и без детей.

Сотрудники IWPR в Центральной Азии

С середины сентября независимые средства массовой информации и правозащитники стали сообщать, что с началом хлопкоуборочной кампании на полях появились работающие дети.

«Для школ устанавливаются нормы по сбору хлопка, - рассказала жительница населенного пункта Ферганской долины. - А когда один из директоров школ не хотел выводить детей на сбор хлопка, ему грозили увольнением».

Источники в Узбекистане подтвердили, что 22 сентября премьер-министр Узбекистана Шавкат Мирзияев провел селекторное совещание с хокимами, руководителями служб безопасности всех регионов и поручил организовать сбор хлопка методом «хашара». Этот традиционный обычай, который означает добровольную коллективную работу ради общего дела, в Узбеки-

стане давно превратился в принудительный детский труд.

До 2008 года в стране была широко распространена практика применения детского труда. К работе на поля принудительно привлекались несовершеннолетние дети в возрасте 8-9 лет, из-за чего международное сообщество не раз призывало правительство покончить с детским трудом.

В сентябре прошлого года узбекские власти заявили о запрете детского труда на хлопковых плантациях, ратифицировали Конвенции ООН «Об искоренении наихудших форм эксплуатации детей» и «О минимальном возрасте для приема на работу».

Эти меры последовали вслед за бойкотом со стороны крупнейших импортеров и продавцов одежды из текстиля из США и Великобритании,

которые раскритиковали официальный Ташкент за привлечение детей на хлопкоуборочную страду и в знак протеста рекомендовали не покупать изделия из узбекского хлопка. В мае 2009-ого года поступили сообщения о том, что учащиеся работают на хлопковых плантациях.

Некоторые фермеры говорят, что отказаться от использования детского труда реально. Властям надо только провести реальные реформы в сельскохозяйственном секторе, предоставить самостоятельность фермерам и ликвидировать государственный заказ на стратегическую культуру.

В этом году власти постановили собрать не менее трех с половиной миллионов тонн хлопка. «Сейчас в стране высокий уровень безработицы, мардикорбазары [рынок по найму разноработчих] заполнены безработными, - рассуждает хлопкороб из Ташкентской области. - Правительство может собрать этих людей и вывести на поля. Таким образом можно избежать детского труда».

Конечно, реализация этой идеи потребует дополнительных средств для привлечения большего количества людей и ускоренных темпов уборки хлопчатника, но и ее можно решить, уверяет крестьянин.

Каждый узбекский фермер имеет собственный счет в банке, куда поступают деньги от закупочных государственных компаний в период продажи хлопка.

В 2008 году закупочная цена одного килограмма узбекского хлопка составляла 400 сумов (26 центов). В этом году власти объявили, что будут платить крестьянам по 502 сума (33 цента). Часть средств со своих счетов в период хлопкоуборочной кампании фермеры направляют на оплату труда сборщикам, однако обналичить деньги трудно, поскольку, по словам фермеров, существуют ограничения на получение узбекских сумов.

«Если фермерам дать свободу, чтобы они могли управлять сами теми деньгами, которые у них на счетах, то можно собирать хлопок и без детей,- вступает в разговор фермер из Джизакской, центральной области. - Сколько людей у нас сейчас едут собирать хлопок в Казахстан, потому что там больше платят».

В соседних Кыргызстане и Казахстане, где также выращивается хлопок, наемным рабочим платят в среднем 11-15 центов за килограмм. В 2008 году за один килограмм собранного хлопка узбекским детям платили по 2,5 цента, а взрослым – по 3,5.

Покончить с детским трудом аграрный сектор мог бы и за счет современной механизации.

«В начале 90-х годов [прошлого века] у нас была хорошая техника для сбора хлопка, - вспоминает фермер из Хорезмской области на северо-западе страны. - К примеру, в 1991 году детей не выводили на хлопок, его собирали при помощи машин».

ВЛАСТИ УЗБЕКИСТАНА ЗАКРУЧИВАЮТ ГАЙКИ В ОТНОШЕНИИ ПРАВООЩИТНИКОВ

Активисты ищут лазейки в законе, чтобы проводить демонстрации.

Баходир Намозов, г. Ташкент

Правозащитные организации в Узбекистане стоят перед выбором: либо проводить общественные протесты и иметь неизбежные проблемы с правоохранительными органами, либо сидеть дома, вести себя тихо и не показываться никому на глаза, как того хотят от них власти. Узбекские правозащитные организации, которые никогда не имели юридического признания, и члены которых постоянно подвергаются преследованиям, существуют в тени могущественного полицейского государства.

Члены организаций, опрошенные IWPR, рассказали о целом ряде мер, применяемых против них, – от надзора до нападений и арестов.

Один из ведущих активистов из Джизакской области говорит, что он и его коллеги живут под постоянным надзором, который усиливается, когда они выступают с критикой властей.

«В последнее время участились [случаи] преследования правозащитников силовыми органами», - говорит он.

Одну из его коллег недавно вызвали в Службу национальной безопасности (СНБ) для проведения так называемой «профилактической беседы». На самом деле такие беседы представляют собой смесь запугивания и обещаний всевозможных льгот взамен на прекращение правозащитной деятельности.

Активист также рассказал, что у дома его другого коллеги постоянно дежурят автомобили, и что милиционеры в штатском, сидящие в них, говорят всем его посетителям, что с жалобами надо идти в государственные органы, а не к гражданским активистам.

Помимо этого, сказал он, службы безопасности применяют более сложные методы и используют агентов, которые проникают в среду правозащитников и сеют среди них раздор.

«Мы живем в сложных условиях, - говорит он. - Госорганы делают все для того, чтобы рассорить правозащитников между собой, распуская всяческие сплетни».

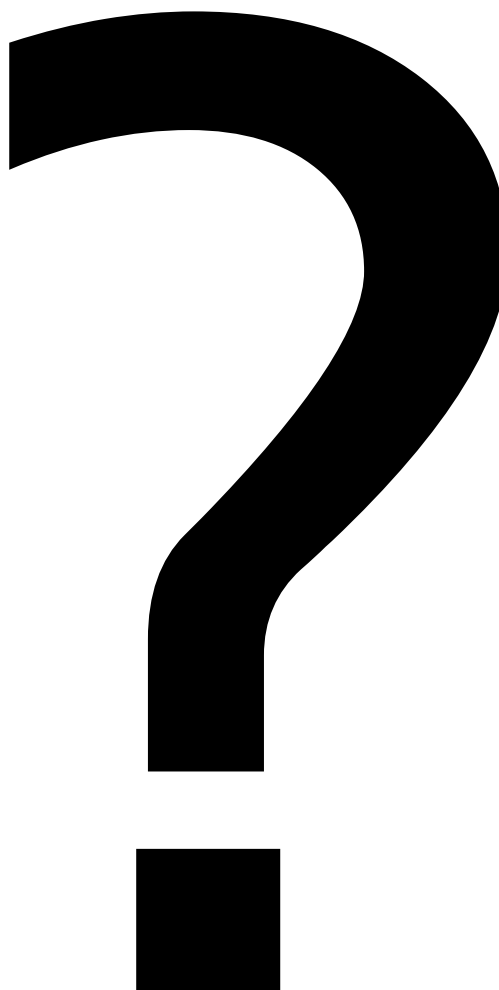
Был случай, рассказал он, когда члена правозащитной организации вызвали на допрос, а затем власти распустили слух, что она «продалась». «Среди правозащитников возникает недоверие друг к другу», - сказал он. Несмотря на существующую атмосферу страха, правозащитники продолжают время от времени проводить протесты с намерением повысить уровень информированности общественности о проблемах.

Из-за этого они вступают в прямой конфликт с репрессив-

ными законами Узбекистана об общественных собраниях. Для проведения протестов на открытом воздухе требуется разрешение; правозащитным организациям и другим желающим в этом часто отказывают. При попытках провести несанкционированное собрание тут же вмешивается полиция.

Генеральной прокуратуры в Ташкенте в декабре прошлого года окружили и забрали в участок, хотя их акция прошла без каких-либо проблем.

Когда власти получают информацию о готовящейся акции протеста, они предпринимают меры по недопущению

Стремясь обойти это положение закона, активисты проводят маленькие акции, именуя их «пикетами». Идея их проведения заключается в том, что пикеты законом не запрещены.

Тем не менее, участники пикетов подвергаются репрессиям: участников пикетирования зда-

ее проведения. Правозащитники планировали собраться 13 мая этого года и возложить цветы к подножию Монумента мужества в Ташкенте, возведенному в память невинных жертв андижанской трагедии 2005 года. Однако их план провалился – некоторых активистов власти задер-

жали заранее, а другим не позволили покинуть свои дома.

Директор «Комитета узников совести» в Ташкенте, рассказал, что когда он собирался выйти из дома, к нему подошли двое мужчин и сказали: «Если вы покинете ваш дом, мы арестуем вас и отвезем в участок. Мы знаем, что вы один из организаторов».

Двум правозащитникам удалось возложить цветы на монумент, и их тут же задержали сотрудники милиции.

Эту дату власти обошли молчанием. 13 мая 2005 года войска узбекских властей открыли огонь по демонстрации в Андижане, городе на востоке Ферганской долины. В результате погибли и пострадали сотни мирных жителей. Волна арестов, последовавшая за этим событием, коснулась всех подозреваемых в участии в андижанском митинге.

Двое правозащитников из различных частей страны сомневаются в необходимости проведения протестов, считая, что этого недостаточно, а в некоторых случаях может даже привести к обратным результатам.

«Когдаходишь с правовой точки зрения, госорганы и хокимы районов никуда не денутся, - утверждает один. - Но чуть что выбегать на улицу и кричать во весь голос "караул!" - такой подход ничего не решает. Наоборот, даже и те, которые идут к нам, убегают от нас».

Несмотря на очевидную теплоту в отношениях, враждебное отношение страны к западным государствам, которые требовали проведения независимого расследования ан-

дижанских событий, до сих пор отражается на отношениях между чиновниками и правозащитными организациями.

«Правозащитники являются агентами США и других западных держав, - сказал сотрудник отдела по борьбе с терроризмом и радикальным исламским экстремизмом МВД страны, который также занимается диссидентами. - Они получают большие гранты на каждую акцию, которую проводят».

По его словам, у милиции есть приказ грубо обращаться с активистами, даже если они не оказывают сопротивления.

«Нас учат, что они являются врагами нашего народа и агентами влияния Запада», - добавил он.

Политолог Камрон Алиев говорит, что предположение о получении организациями значительной финансовой поддержки - миф. Заявления «о больших барышах, которые получают правозащитники, - обыкновенная чушь», говорит он. «При большом желании в правозащитниках можно увидеть не только американских агентов влияния, но и агентов влияния Турции, Пакистана, Японии и даже Монголии», - добавил он.

«Это выдумки спецслужб. И делается для того, чтобы создать образ врага и настроить народ против правозащитников и демократов в целом. Я не знаю правозащитников, которые живут в роскоши. В отличие от многих их оппонентов в виде чиновников хокимиятов и сотрудников правоохранительных органов», - сказал Алиев.

(Имена опрошенных были опущены из соображений безопасности.)

НАШИ ПАРТНЕРЫ

КАЗАХСТАН

Казахстанское международное бюро по правам человека и соблюдению законности

Головной офис КМБПЧ
г. Алматы, мкр. 8, д. 4-а, оф.423
+7 727 225 42 71
roza@bureau.kz
www.bureau.kz

Международный центр журналистики MediaNet

г. Алматы
ул. Казыбек би, 50, оф.100
+7 727 2724829
abramov@medianet.kz
www.medianet.kz

ОО «ТВ-батыс-инфо»

г. Атырау, ул. Махамбета, 118 Б
+7 7122 326813
batys-info@mail.ru, v.s.lee@mail.ru

Фонд «Десента» (Павлодар)

г.Павлодар
ул. Исиналиева, 1, оф.210
+7 7182 329085
yainebo@gmail.com
www.decenta.org

«Голос свободы Центральной Азии» – региональный правозащитный портал

Voice of Freedom Central Asia
+7 727 2724829
vyacheslav.abramov@gmail.com
www.vof.kg

Газета «Комсомольская правда в Казахстане»

г. Алматы, ул. Отеген-батыра, 21А
+7 727 2774842
komszk@mail.ru
www.kp.kz

Журнал «Третья грань»

г. Павлодар, ул. 1 Мая, 40, оф. 1
+7 7182 329085
yainebo@gmail.com
www.decenta.org/publish

Центр исследования правовой политики

г. Алматы
ул. Манаса, 34А/8А, оф. 403
+ 7 727 244 8373, 244 8374
info@lprc.kz
www.lprc.kz

Павлодарский центр поддержки региональной журналистики

г. Павлодар
ул. М.Горького, 102/4, оф. 318
+7 7182 622580
shomshekov@gmail.com
www.presscenter.kz

Региональный центр журналистики «Тілші»

г. Актобе, ул Чекалин, 34-54
+7 701 3027907
aktleuov@list.ru

ОФ «MEDIALIFE»

г. Караганда, ул. Алиханова, 8а
+ 7 7212 425195
ovolkova@topmail.kz
www.medialife.kz

Газета «Диалог Талдыкорган»

+7 7282 211631
ba4evskaja_yana@mail.ru

Орден защиты свободной журналистики «FORPOST»

г. Тараз
ул. Абая, 98, 3 этаж, офис 304
+7 7262 437842
orden_forpost@mail.ru

Фонд поддержки региональных СМИ «Адил Арка»

г. Петропавловск, ул. Конституции Казахстана, 2, оф. 5
zaure-zhumalievaa@rambler.ru

Северо-казахстанский правовой медиа-центр

г. Астана
ул. Бебитшилик, 25, оф.308
+7 7172 910588
kstmedia@mail.kz

ТАДЖИКИСТАН

НПО «Мадина»

г. Хорог, ул. Ленина, 137, кв.8
+ 992 3522 24360, 24987
ngomadina@mail.ru

Национальная Ассоциация Независимых Средств Массовой Информации

г. Душанбе, ул.Хусейнзода, 34-415
+ 992 372 2213711, 2233058
nansmit@tojikiston.com
www.nansmit.tj

Международная Организация Труда

Проект по устранению Детского
труда в Таджикистане
г. Душанбе, ул. Айни, 39,
+992 47 4410641, +992 47 4410646
khosabekova@ilo.org

Центр по Правам Человека

г. Душанбе, ул. Чехова, 1/4 , кв.1
+992 372 4442943
khalilov2002@mail.ru

Женский Фонд UNIFEM

г. Душанбе, ул.Хусейнзаде, 35
+992 372 2211831, 2210645
Unifem@tajnet.com

Общественная организация «Наджоти Кудакон»

г. Куляб, ул.Борбад, 13
2 52 35;2 63 09, 918 67 80 02
farzona52@mail.ru

НПО «Дилафруз»

г. Курган-Тюбе, ул. Борбад-3а /29
+992 3222 32274, 22776
rayhona@kt.rs.tj

Общественно политическая газета «Азия Плюс»

г. Душанбе
пр. Саади Шерози, 16, 1-й этаж.
+992 44 6007108; 6007110
gency@asiaplus.tj

Центр ОБСЕ в Душанбе

Отдел по правам человека
г. Душанбе
ул. Ахмади Дониш, 18А
+992 37 2265014, 2265015

НПО «Молодёжь и цивилизация»

г. Худжанд, ул. Ленина, 42, кв.406
+992 3422 61770, 61790
siyc@yandex.ru
www.humanrights.tj

Общественно политическая газета «Фараж»

г. Душанбе, пр. Саади Шерози, 16
+992 372 385877
faraj-73@mail.ru

Общественно –политическая газета «Tajik times »

г. Душанбе, ул. Мушфики, 60/1
+992 37 2381384, 2340665
tajiktimes@yahoo.com

Бюро по правам человека и соблюдение законности

г. Душанбе, пр. Рудаки, 137, оф. 6
+ 992 372 2285110

г. Худжанд, ул. Ленина, 6, кв. 1
+ 992 3422 43206
bhr.taj@gmail.com

ОО Информационное Агентство «Паём»

г. Курган-Тюбе, ул. Борбад, 1/15
+992 3222 25325
sotiev@tajik.net
www.payom.tj

НАШИ ПАРТНЕРЫ

КЫРГЫЗСТАН

**Институт Омбудсмена
Кыргызской Республики**

г. Бишкек, ул. Тыныстанова, 120
+996 312 663141
ombudsman@inbox.ru

**Общественный фонд -
Правовая клиника «Адилет»**

г. Бишкек ул. Уметалиева, 39
+996 312 653513
legal@elcat.kg

**Молодежная правозащитная
группа**

г. Бишкек
ул. Московская, 41 Б, кв. 8
+996 312 479840
spinstyle@yandex.ru

**Правозащитная организация
«Справедливость»**

г. Джалал-Абад, ул. Ж.Бакиева, 27
+996 3722 56038
gvalentina01@gmail.com

Институт Медиа представителя

г. Бишкек, пр. Мира, 44/1
+996 312 595467, 595128
akmat@media.kg

**Комиссия на рассмотрению
жалоб на СМИ**

+996 775 981091
nvsk2006@mail.ru

Лига защитников прав ребенка

г. Бишкек, Эркиндик, 35,18
+996 312 662587
cdrl2008@gmail.com

ОО Журналисты

г. Бишкек, ул. Ш.Руставели, 48, 10
+996 312 563463
tokoevm@mail.ru

**Центр по защите прав человека
«Кылым Шамы»**

г. Бишкек
ул. Л.Толстого, 114, каб. 408
+996 312 659431; 245976
abdirasulova@mail.ru

Фонд «Сорос-Кыргызстан»

г. Бишкек, ул. Логвиненко, 55-а
+996 312 663475, 622655
office@soros.kg

Институт общественной политики

г. Бишкек, ул. Исанова, 42/1
+996 312 682836
office@ipp.kg

**ОО «Гражданское общество
против коррупции»**

г. Бишкек, ул. Московская, 158/11
+996 312 318645, 628091
info@anticorruption.kg

ОО «Голос свободы»

г. Бишкек, ул. Советская, 204, 4-эт.
+996 312 906240
bagishbekov@gmail.com

**ОО «Коалиция за демократию
и гражданское общество»**

г. Бишкек, ул. Токтогула, 214
+996 312 310353
coalitionkg@gmail.com

